

**Удмуртское Прикамье XVIII – начала XX в.:
рождение и развитие этнических стереотипов**

Н. В. Пислегин

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Россия,
сpeg@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Важным направлением современных региональных научных исследований является обращение к этническим образам Удмуртского Прикамья, в частности изучение представлений народов друг о друге, выстраивание неких универсальных характеристик того или иного этноса. В современной научной литературе зачастую некритично повторяются характеристики 300–100-летней давности. Между тем этнические стереотипы, развиваясь, во многом определяли характер взаимоотношений в рассматриваемом локальном социуме. Этим объясняется необходимость их объективного научного исследования.

Цель: характеристика зарождения и развития этнических стереотипов о нерусских народах Удмуртского Прикамья с момента их первой письменной фиксации до начала XX в.

Материалы исследования: работы академических учёных-путешественников XVIII в., этнографов второй половины XIX в., статьи вятской прессы второй трети XIX в., а также архивные источники конца XVIII – начала XX вв. (прошения, делопроизводственная документация, ревизские сказки), отражающие этнические стереотипы о народах Удмуртии, бытовавшие в русской простонародной среде и в чиновничьих кругах. Используются системно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты и научная новизна. Впервые на основе не только опубликованных работ, но и архивных материалов изучено развитие этнических стереотипов народов Удмуртского Прикамья. Представления в духе эпохи Просвещения, отражённые в академических трудах XVIII в., на региональном уровне получили преломление и дальнейшее развитие, в основном начиная со второй трети XIX в. Тогда же проявления формирующегося бытового национализма обнаруживаются документально. В пореформенный период различия между «иногородцами» и русскими искусственно усиливаются. В это время развились такие яркие предубеждения о нерусских народах края, как незнание ими колёса, повальное пьянство, самоубийство ради отмщения, трудолюбие и т. п. Преимущественно негативные этнические стереотипы к началу XX в. были распространены настолько, что уже вызывали обратную рефлексию. На современные представления в значительной степени повлияли клишированные характеристики из изданий прошлого.

Ключевые слова: Удмуртское Прикамье, удмурты, бесермяне, татары, марийцы, русские, академические путешественники, пресса, этнографы, бытовой национализм, этнические стереотипы

Для цитирования: Пислегин Н. В. Удмуртское Прикамье XVIII – начала XX в.: рождение и развитие этнических стереотипов // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 170–178.

**The Udmurt Prikamye Region of XVIII – early XX centuries:
birth and development of ethnic stereotypes**

N. V. Pislegin

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
сpeg@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: an important direction of modern regional scientific research is the appeal to the ethnic images of the Udmurt Prikamye Region, in particular, the study of peoples' representations about each other; the building of certain universal characteristics of a particular ethnic group. In modern scientific literature the characteristics of 300–100 years ago are often uncritically repeated. Meanwhile, ethnic stereotypes have their own history of development and for a long time have largely determined the nature of relationships in this local society. This explains the need for their objective scientific research.

Objective: characterization of the origin and development of ethnic stereotypes about non-Russian peoples of the Udmurt Prikamye Region from the moment of their first written fixation to the beginning of the XX century.

Research materials: the works of academic scientists-travelers of the XVIII century, ethnographers of the second half of the XIX century, articles of the Vyatka press of the second third of the XIX century, as well as the archival sources of the late XVIII – early XX centuries (petitions, clerical documentation, audit lists), that reflected the ethnic stereotypes about the peoples of Udmurtia among the Russian common people and in official circles. In the work the system-chronological and comparative-historical methods of analysis were used.

Results and novelty of the research: for the first time on the basis of the published works and archival materials the article considers the development of ethnic stereotypes of the pre-revolutionary period about the peoples of the Udmurt Prikamye Region. The representations in the spirit of the Enlightenment, reflected in the academic works of the XVIII century, at the regional level received refraction and further development mainly since the second third of the XIX century. At the same time the manifestations of the emerging everyday nationalism were documented. In the post-reform period the differences between “aliens” and the Russians are artificially intensified. At that time such vivid prejudices about the non-Russian peoples of the region developed as their ignorance of a wheel, general drunkenness, suicide for revenge, diligence, etc. Primarily negative ethnic stereotypes were massively distributed to the beginning of the XX century so much so that they already caused a reverse reflection. Modern representations have been largely influenced by cliches from the publications of the past.

Key words: Udmurt Prikamye Region, Udmurt people, Besermyan people, Tatar people, Mari people, Russian people, academic travelers, press, ethnographers, domestic nationalism, ethnic stereotypes

For citation: Pislegin N. V. The Udmurt Prikamye Region of XVIII – early XX centuries: birth and development of ethnic stereotypes // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2023; 13 (1/52): 170–178.

Введение

В ряду направлений современных гуманитарных изысканий существенное место принадлежит апелляции к так называемой народной душе. Ярким примером преувеличенной трактовки различий является разделение ментальности на «западную» и «незападную» [33]. Обращение к «характерологическим» портретам народов Удмуртского Прикамья развито в современной региональной научной литературе [7, 24; 5, 12; 27, 217–229; 34, 425–454; 19, 149–165]. Представления о народах края перекочевали в современные публикации из трудов ещё дореволюционного прошлого. Значительное влияние они продолжают оказывать и на обыденные воззрения представителей того или иного народа как на соседние этносы, так и на свой.

Крупное исследование истории развития межэтнических взаимоотношений, этнических процессов «в психологическом аспекте» у удмуртов было предпринято Г. К. Шкляевым. Особого внимания заслуживает проведённый им историографический анализ. Известный этнограф явно не избежал повторения традиционных штампов. Например, факт первого принятия христианства 17 семьями Сырьянского стана в 1557 г. он объяснил стремлением удмуртов (калмезов, по утверждению учёного) получить защиту от «домогательств бывших хозяев [удмуртов-] ватка». Психологическая установка на терпение, ставшая, согласно устоявшимся концепциям, одной из основных черт народного характера, была якобы обусловлена жестоким подавлением восстания под руководством Е. И. Пугачёва (1773–1775 г.) и постоянными притеснениями [31, 7–13, 42, 66–67].

В наши дни заявляется об утопизме как «неотъемлемой части удмуртского национального сознания» и даже пронизанности его катастрофизмом на фоне «разрушения мифоутопического сознания», итогом чего якобы и стал подъём национального сознания в конце 1990-х гг. [11, 138–147].

Наличие подобных трафаретных представлений в научных трудах прошлого выделялось многими исследователями, которые, например, справедливо могли отметить «ментальную деонтологизацию коренных народов» как одно из последствий такого клиширования [12, 138].

Некритическое заимствование и тиражирование стереотипов из литературы прошлого, с одной стороны, препятствует осмыслению изменений культурного облика народов Удмуртского Прикамья, оценок и самооценок людей разных национальностей, характера их взаимного восприятия, представления о народах в глазах русских властей в регионе, с другой – влияет на дальнейшее развитие этих представлений и самооценок. Этнические стереотипы имеют собственную историю развития и во многом определяют характер взаимоотношений в локальном социуме Прикамья. Этим объясняется необходимость их объективного научного исследования.

Выбранный для исследования временной промежуток был определяющим в формировании реалий непосредственного соседства удмуртов с представителями других народов, интеграции в социокультурное пространство России. Последний процесс был тесно связан с распространением православия [6; 15; 17; 18]. Одним из «ментальных» его итогов стало рождение и дальнейшее распространение этнических стереотипов.

Материалы и методы

Основным методом исследования послужил системно-хронологический и сравнительно-исторический анализ совокупности письменных исторических источников. В ряду последних находятся труды академических учёных-путешественников XVIII в. (Д. Г. Мессершмидт, П. С. Паллас, Н. П. Рычков и др.). Определённые параллели с их взглядами на местном материале (описания Вятской губернии, отчёты и иная документация) прослеживаются с начала XIX в. Крупные изменения в отношении образованных элит к нерусским народам региона происходят во второй трети XIX в. Они получили отражение в вятской прессе. Изыскания пореформенного периода (работы Н. Н. Блинова, И. Н. Смирнова, Д. Островского и др.) стали источником для изучения нового этапа развития этнических стереотипов. Важно обращение к документам XIX – начала XX в., отразившим эволюцию воззрений основной массы населения (прошения, делопроизводственная документация, ревизские сказки). Анализ текста опубликованных (дающих в значительной степени совокупность стереотипов образованного «меньшинства» в их эволюции) и неопубликованных (позволяющих в том числе проявить взгляды «молчаливого большинства») источников является, на наш взгляд, основным способом раскрытия затронутой исследованием проблемы.

Результаты

В силу фактического отсутствия внимания к проблеме в допетровской России зарождение объекта нашего исследования следует относить к XVIII в. Первоначальный подход к восприятию жителей Удмуртского Прикамья выстраивался в духе представлений эпохи Просвещения, испытавших естественное влияние совокупности предшествовавшей литературы, начиная с авторов античности, о «нецивилизованных» народах.

Фундамент представлений об удмуртах был заложен в первой трети столетия Д. Г. Мессершмидтом. Он сравнивал их с балтийскими финнами, отмечал приверженность традиционным верованиям [21, 77, 79, 84, 90, 91]. В работе Ф. И. Страленберга была описана внешность «идолопоклоннических» народов империи. Удмурты, наряду с башкирами, коми, обладали

красными или русыми волосами и большими синеватыми глазами. Им противопоставлялись, например, мари с чёрными волосами и небольшими серыми глазами [14, 9–10; 34, 172]. Г. Ф. Миллер после 1743 г. при описании марийцев, чувашей и удмуртов давал стандартную характеристику представителя образованной элиты крестьянству с его якобы невежеством, склонностью к порокам, «весьма тупым» разумом и т. д. [20, 7–14].

В конце 1760-х – начале 1770-х гг. развивались прежние и рождались новые представления о народах края. Так, П. С. Паллас «дружественное и мирное» пристрастие удмуртов к алкоголю иллюстрировал в марте 1772 г. примером д. Ксиер¹ и отмечал приверженность язычеству, несмотря на недавно проведённую массовую христианизацию [24, 26–39]. Комплиментарное описание удмуртов в контрасте с крещёными татарами содержится в записках 1769–1770 гг. Н. П. Рычкова². Замечание о большем достатке живущих на востоке в сравнении с обитающими на западе и севере Вятской провинции объяснялось не только «трудами» первых, но и «избытком» у них пахотных земель. Наибольшая «нищета и уныние» отмечались в верховьях Вятки³. Н. П. Рычков объяснил отсутствие здесь колёсного транспорта как традиционностью сознания, так и природно-географическими условиями проживания, их «чрезмерной» болотистостью и лесистостью [28, 163–166; 29, 15–20, 66]. Позже этнографами мнимое незнание колеса было перенесено на часть северных удмуртов [30, 84–85; 6, 45; 16, 79].

В целом для авторов XVIII в. было характерно то или иное сочетание акцентов дихотомического взгляда на необразованных «них» – с одной стороны, обладающих массой негативных характеристик облика и нравов, с другой – не заражённых пагубными явлениями цивилизации. Разумеется, это не умаляет заложенного ими несомненного позитивного заряда научного подхода.

Формировавшийся взгляд на народы Удмуртского Прикамья оказал определённое влияние на представления о них крупного чиновничества, фиксируемые с начала XIX в. 14 апреля 1803 г. вятский губернатор П. С. Рунич предлагал пропущенные в V ревизию (1795 г.) души записывать в оклад бессрочно, без наказания. В духе Просвещения с налётом идей Романтизма он обращался к характеру «рассеянных в

¹ Современная д. Касиярово Бураевского района Башкирии.

² Мы склонны видеть причину отмеченного голода среди крижён в объективных факторах, требующих дополнительных исследований.

³ Не у удмуртов.

непроходимых дремучих лесах» удмуртов, дружелюбных по отношению друг к другу, робких и недоверчивых к начальству. Несмотря на «простоту нравов» и готовность к выполнению указаний, кровных обидчиков и доносчиков ожидало жестокое и даже «зверенеукротимое» отношение вплоть до убийства⁴. Заметим, что в целом для первой трети XIX в. рефлексия по поводу народных «нравов» на местах ещё не была характерна.

Со второй трети XIX в. на страницах появившейся вятской прессы публикуются статьи, отражающие представления о народах края всё в том же просвещенческом духе. В отличие от отмеченного выше, здесь возобладал негативный взгляд. Первые заметки были сделаны отбывавшим ссылку А. И. Герценом, именно им робость удмуртов впервые превратно иллюстрировалась («несколько человек татар Агрызской волости белым днём ограбили вотскую деревню, состоящую из нескольких сот душ») действительно имевшим место в 1834–1835 гг. фактом уголовного преследования татар 3 деревень Даниловской волости Сарапульского уезда по жалобам русских и удмуртских крестьян на воровство и грабежи, сопровождаемым земельными спорами⁵ [9, 5–7; 10, 11–14]. В статье 1846 г. были перечислены утвердившиеся характеристики удмуртов (трудолюбие вкупе со скромностью и честностью, но и трусость, неповоротливость, буйность под влиянием кумышки, боязнь властей, русских и татар, глазные болезни, «неопрятная, грубая жизнь») [2]. Более чем через 10 лет число негативных черт увеличилось, причём некрещёным приписывалась большая склонность «дурным поступкам» [8, 215–218].

По-видимому, вятская пресса второй трети XIX в. отразила изменения, произошедшие в образованных слоях населения по отношению к нерусским народам края, наконец-то проявивших ощущение необходимости несения «знамени цивилизации».

Среди чиновничества данного периода подобные взгляды также проявились более явно. В отчёте губернатора А. Н. Мордвинова за 1840 г. отмечалось слабое влияние просвещения на народы губернии, давались стереотипные

характеристики народов⁶. В статистическом описании Вятской губернии 1850 г. и других обзорах 1850-х – начала 1860-х гг. удмурты и бесермяне невысоки, вялы, подвержены глазным болезням, крайне суеверны, неопрятны, преданы пьянству, скрытны, злобны, мстительны и порочны, хотя кротки и трудолюбивы, являются лучшими земледельцами, марийцы – дики, башкиры и тептяри – грубы, дерзки, жестоки, ленивы, коварны и бедны, татары – склонны к тяжбам, воровству, мошенничеству, мстительны, раболепны, страстны к роскоши, иногда – ремеслу, но близки русским по облику и способностям, отличаются трезвостью, неприятием разврата, стремятся к чистоте, гостеприимны и общительны⁷. Архивные источники делопроизводственного характера, опять-таки начиная со второй трети XIX в., дают оценочные характеристики так называемых инородцев со стороны русского образованного меньшинства. В документе губернского стряпчего о происшествиях по Сарапульскому уезду (1844 г.) они названы «по природе трусливыми и вместе с тем до глупости осторожными»⁸. Основания считать «глупыми суевериями» ропот удмуртов во время открытия церкви в д. Зура Глазовского уезда, из-за чего якобы начались болезни, имел в июне 1846 г. священник А. Попов⁹. Говорить о какой-либо близости авторов к описываемым народам не стоит даже в отношении тех из них, кто длительно проживал в пределах Вятской губернии.

По большому счёту, данные примеры рисуют нам поведение «маленького человека». Тем не менее подобные характеристики в отношении себя и соседа могут «поддержать» и сами крестьяне, разбавляя стандартную форму прошения яркими фразами. Например, жители д. Уйвай Сарапульского уезда («мы, малознающие вотяки») в 1849 г. поручали впоследствии обманувшему их «русскому бойкому человеку» заключить контракт на аренду сдаваемой казной в оброчное содержание мельницы¹⁰. Налицо употребляемое для достижения цели способствующее углублению этнических стереотипов самоуничижение при апелляции к заведомо более могущественному субъекту взаимоотношений. В более ранних документах подобных эпитетов нами не выявлено.

⁴ Научный архив Удмуртского института истории, языка, литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН РФ (НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН РФ). Оп. 2-Н. Д. 8. Л. 90.

⁵ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 582. Оп. 81. Д. 472. Л. 1–140об.

⁶ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 673. Л. 11об.–12.

⁷ ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–297об.; Д. 100. Л. 3–3об.; Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-534. Оп. 1а. Д. 135. Л. 37.

⁸ ЦГАКО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1806. Л. 286об.

⁹ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 8. Л. 16.

Отдельные документальные проявления повседневности второй трети XIX в. уже можно трактовать как бытовой национализм. Например, в сказке 1834 г. д. Вверх Мои Глазовского уезда¹¹ на одном из листов была допущена ошибка в отражении этно-сословного статуса её жителей: вместо «некрещёные бесермяне» переписчик написал «некрещёные крестьяне»¹². Ошибку впоследствии, явно на низовом уровне, заметили и «исправили»: слово «крестьяне» было заменено на «черти»¹³. В 1846 г. сарапульский городской голова Чернов обозвал ратмана М. Варачева «черемисином»¹⁴. Наряду с этнической компонентой, содержащейся в нанесённых унижениях, здесь несомненна также конфессиональная составляющая, отождествление оскорбляемых с «нехристью».

Подытог построений вятской прессы, а, по сути, всех размышлений дореформенного периода подвёл в 1865 г. Н. Н. Блинов. По его мнению, авторы губернских ведомостей сказали много «недоброго» и подобные «голословные порицания» являлись неправильными и вредными. Правда, некоторые негативные черты удмуртов священник Карсовайского прихода Глазовского уезда объяснил влиянием коми-пермяков [4; 3]. Рассуждения относительно предвзятости к удмуртам вполне применимы и к бытовавшему подходу к другим народам края.

Значительно увеличилось число исследований в новых социально-экономических условиях пореформенной России, с одной стороны, сопровождаемых рождением национализма, с другой – развитием в стране этнографии как науки, изучающей «отсталые» этносы с позиций европоцентризма. В материалах А. Ф. Риттиха был собран набор клише об удмуртах. Наряду с пересказом ограбления татарами целой деревни, были отмечены якобы присущие самоубийства в качестве мести. Будущий штамп в виде повешения на воротах обидчика пока описан как распарывание «с досады» живота в его дворе [26, 203–210]. Перекликаются с указанными выше заметки В. М. Бехтерева с рассуждениями об общинном браке, развратности, отпечатках бессилия в на-

ружности, ужасной грязи, беззащитности, кляузничестве и т. п.¹⁵ [1, 629–647]. И. Н. Смирнов устоявшиеся до него характеристики облика и характера народа объяснил природно-географическими условиями, повторил существующий и в наши дни миф о готовности удмурта убить себя перед лицом «грядущей беды» [30, 82–255; 13, 63]. Наметившийся в предыдущий период взгляд образованных элит на «инородцев» также получил дальнейшее развитие. В частности, в январе 1867 г. мировой посредник В. А. Дзяшлевич-Литвинский обратился к губернатору по поводу выселения из с. Сюмси крестьян, которые составляли «ложные удостоверения от имени [волостного] правления». Необходимость высылки он обосновал вероятностью нанесения ими «большого вреда среди боязливых и неразвитых вотяков» в предстоящий рекрутский набор¹⁶.

В пореформенный период развитие получил и более взвешенный, иногда даже излишне оптимистичный, взгляд на нерусские народы края, продолжающий линию Н. П. Рычкова – Н. Н. Блинова. Так, в основном положительные характеристики удмуртов дали Д. Островский, Б. Мункачи, М. Бух. Для последнего ощущения о «глуповатости» удмуртов проистекали от их флегматичности и плохого знания русского языка. Особенного внимания заслуживают указания на живой ум, «по-деревенски простую» рассудительность, как у «всех прочих крестьян» [23, 24–47; 32, 25–29; 36, 18]. Заметим, что русские крестьяне также наделялись теми чертами, которые подразумевали исправление в рамках «цивилизационного влияния». Особенно необходимость корректировки заявлялась там, где не проводилось их сравнительного анализа с иными народами.

На наш взгляд, «оптимистическая линия» приобрела значительно меньшее распространение как среди образованной элиты, так и в народе. Напротив, негативные этнические стереотипы к началу XX в. уже получали обратную рефлексию. Косвенным отражением этого могут послужить документы, освещающие процессы

¹¹ Ныне исчезнувшая д. Моино Ярского района Удмуртии [24, 492].

¹² Термином «крестьяне» вплоть до конца первой трети XIX в. системно обозначали русских. Соответственно, термин «некрещёные крестьяне» для этого времени в принципе выглядел оксюмороном.

¹³ ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 8. Д. 97. Л. 691об.

¹⁴ ЦГА УР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 210. Л. 3–3об.

¹⁵ При этом автор парадоксально, без указания подробностей, пишет о нравах народа с «более хорошими, нежели дурными чертами».

¹⁶ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 5. Л. 64–67.

присвоения фамилий. Так, в 1913 г. в Завьяловской волости Сарапульского уезда удмурты, как правило, предпочитали выбирать себе фамилии, присущие русским. В д. Якшур лишь один дворохозяин из более чем 80 предпочёл фамилию Гондырев, возможно, выбрав её как удмуртскую кальку фамилии Медведев, которую предпочитали его соседи и жители других селений. Схожая картина наблюдалась и в ряде волостей Малмыжского и Елабужского уездов¹⁷. В 1916 г. бесермянин д. Сидоровской Глазовского уезда В. П. Бибанаев просил поменять фамилию на Александров, объясняясь следующим образом: «Ношение фамилии Бибанаев причиняет мне с семьёй совершенно позорные незаслуженные постоянные огорчения, вызывая насмешки посторонних, дети мои часто возвращаются из школы и отовсюду заплаканными после понесённых издевательств над ними товарищей, умышленно употребляющих постоянно мою фамилию как бранное и позорное слова. А притом ещё все считают мою фамилию татарской или магометанской». Кроме очевидного ощущения просителем ущербности по национальному признаку, налицо отождествление собственной фамилии с русским бранным словом. Характерен ответ волостного начальника, который не считал смену необходимой, поскольку просителю просто не нравилась его фамилия: «происхождения проситель Бибанаев бесермянского, и лишь по внешнему образу, одежде и языку подражает русским»¹⁸. В этом же году житель находящейся поблизости д. Тылыс М. А. Шмелёв был назван крестьянином «русского происхождения» из бесермян¹⁹. Данные, отражённые в подобных пертурбациях документооборота, являются, на наш взгляд, закреплением наметившегося ранее, начиная примерно со второй трети XIX в., нарастания негативных характеристик «инородцев» и принятия их последними.

Обсуждение и заключение

Несомненной реальностью начала XX в. была сложившаяся система этнических стереотипов о народах Удмуртского Прикамья, которую вероятно предполагать прежде всего у

лиц, находившихся в относительной близости и вместе с тем не имевших с ними тесных социокультурных контактов. Представляя очередную проекцию древнейшей дихотомии «мы – они», взгляды о «них», являя собой, в большей степени, противопоставление по линии принадлежности или непринадлежности к элитарной, образованной, части общества, документальное выражение впервые получили на страницах академических научных работ XVIII в. Суждения об «иных», сформировавшиеся под непосредственным влиянием взглядов учёных-путешественников эпохи Просвещения, в условиях кризиса феодально-крепостнических отношений были отражены в документах и местной публицистике второй трети XIX в. и, возможно, начали «хождение в народ». В пореформенный период к ранним стереотипам (условно: удмурты – рыжие, упрямые, подверженные пьянству, трусливые, трудолюбивые), добавились новые (не знающие колеса, готовые отомстить путём самоубийства). В развивающихся новых социально-экономических условиях победу одержала линия на углубление представления о различиях между «инородцами» и русскими. Несмотря на отрывочность сведений документального характера, можно говорить о проявлениях со второй трети XIX в. бытового национализма (в значительной степени с религиозной составляющей) и обратной реакции на него точно так же, как и об имеющемся новом, с позиций буржуазного национализма, восприятии стандартного для человека поведения в традиционном иерархичном обществе. Эти проявления также имели безусловную тенденцию к нарастанию.

Важно понимать исторические условия, в которых возникали обобщения в представлениях о жителях региона. Выделение каких-то особенных черт, характерных как удмуртскому народу, так и другим, далеко не всегда выглядит оправданным. По большому счёту, все существующие вплоть до сегодняшнего дня наборы представлений об иных, чем-либо отличных сообществах продолжают оставаться стереотипами, на которые уже повлияли издания научного и публицистического характера.

¹⁷ ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 2778. Л. 1–177.

¹⁸ ЦГА УР. Ф. 94. Оп. 1. Д. 218. Л. 150–150об.

¹⁹ Там же. Д. 1038. Л. 3–8.

Список источников и литературы

1. Бехтерев В. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы. 1880. Т. 4. Кн. 8. С. 621–654.
2. Блинов М. Вотяки // Вятские губернские ведомости (ВГВ). 1846. № 47. Неофициальная часть (НФ). С. 310–313.
3. Блинов Н. Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда (Дополнение к статьям о Карсовайском приходе) // ВГВ. 1865. № 61. С. 231–232. № 62. С. 236–237.
4. Блинов Н. Н. Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода (Глазовского уезда) // ВГВ. 1865. № 34. С. 74–75.
5. Вельм И. М. Этническое самосознание в структуре менталитета: опыт социально-философского анализа // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. № 4. С. 9–13.
6. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
7. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 245 с.
8. Вотяки // ВГВ. 1859. № 32. С. 215–219.
9. Герцен А. И. Вотяки // ВГВ. 1838. № 2. НФ. С. 5–8.
10. Герцен А. И. Вотяки и черемисы // ВГВ. 1838. № 3. НФ. С. 11–15.
11. Душенкова Т. Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины мира: монография. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2020. 324 с.
12. Ершов М. Ф. Образы аборигенов Тобольского Севера в официальных и научно-популярных изданиях последней трети XIX в. // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 134–141.
13. Загребин А. Е. Очерки истории финно-угорских этнографических исследований в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований, 2019. 144 с.
14. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии. В 2 т. М.; Л.: Институт истории СССР АН СССР, 1985–1986. VIII+446 с.
15. Ивонин Ю. М. Христианство в Удмуртии: История и современность. Ижевск: Удмуртия, 1987. 112 с.
16. Калмыкова М. Н. Основные виды наземного и водного транспорта удмуртов // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе. Сб. науч. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. С. 73–84.
17. Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка: Вятская губерн. тип., 1911. 318 с.
18. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: типо-литография М. П. Фроловой, 1899. 333 с.
19. Марийцы Удмуртии: историко-этнографические очерки. Ижевск: Монпоражён, 2021. 244 с.
20. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Императорская Академия наук, 1791. 99 с.
21. Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
22. Общество и власть. Российская провинция. Конец XVIII – первая половина XX в. (по документам архивов Удмуртской Республики). Ижевск: Шелест, 2017. 740 с.
23. Островский Д. Вотяки Казанской губернии. Казань: Литотип. К. А. Тилли, 1873. 48 с.
24. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия наук, 1788. Часть III. Пол. 2. 480 с.
25. Пислегин Н. В., Чураков В. С. Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2020. 784 с.
26. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1870. Т. XIV: Казанская губерния. Ч. 2. 225 с.
27. Русских Т. Н. Коммуникативное поведение современных удмуртов. Ижевск: АлкиД, 2019. 268 с.
28. Рычков Н. П. Журнал или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1770. 190 с.
29. Рычков Н. П. Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1772. 133 с.
30. Смирнов И. Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Императорского университета, 1890. 349 с.
31. Шкляев Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 213 с.
32. Buch M. Die Wotjäken: Eine ethnologische Studie. Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 187 p.
33. Buchtel E., Norenzayan A. Thinking across cultures: implications for dual processes // Evans J., Frankish K. In two minds: Dual processes and beyond. Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 217–238.
34. Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Wien: Böhlau Köln, 1982. 571 p.
35. Strahlenberg Ph. J. An Historico-geographical Description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia: But More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in Their Ancient and Modern State: Together with an Entire New Polyglot-table of the Dialects of 32 Tartarian Nations. London: W. Innys and R. Manby, 1738. 463 p.
36. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjäken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 715 p.

References

1. Bekhterev V. *Votyaki, ih istoriya i sovremennoe sostoyanie. Bytovye i etnograficheskie ocherki* [Votyaks, their history and current condition. Household and ethnographic essays]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1880, vol. 4, no. 8, pp. 621–654. (In Russian)
2. Blinov M. *Votyaki* [Votyaks]. *Vyatskie gubernskie vedomosti (VGV)* [Vyatka provincial gazette (VPG)], 1846, no. 47, unofficial part (UP). pp. 310–313. (In Russian)
3. Blinov N. N. *Inorodcy severo-vostochnoj chasti Glazovskogo uezda (Dopolnenie k stat'yam o Karsovajskom prihode)* [Native people of the North-Eastern part of the Glazov county]. *VGV* [VPG], 1865, no. 61, pp. 231–232; no. 62, pp. 236–237. (In Russian)
4. Blinov N. N. *Sel'skohozyajstvennyj byt permyakov i votyakov Karsovajskogo prihoda (Glazovskogo uezda)* [Agricultural life of the Permyak and Votyak peoples of the Karsovay parish (of the Glazov county)]. *VGV* [VPG], 1865, no. 34, pp. 74–75. (In Russian)
5. Velm I. M. *Etnicheskoe samosoznanie v strukture mentaliteta: opyt social'no-filosofskogo analiza* [Ethnic identity in the structure of mentality: experience of social and philosophical analysis]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Psihologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy], 2012, no. 4, pp. 9–13. (In Russian)
6. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira u udmurtov* [Religious and mythological picture of the world among the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1994. 384 p. (In Russian)
7. Vladykin V. E., Khristolyubova L. S. *Etnografiya udmurtov* [Ethnography of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1997. 245 p. (In Russian)
8. *Votyaki* [The Votyaks]. *VGV* [VPG], 1859, no. 32, pp. 215–219. (In Russian)
9. Herzen A. I. *Votyaki* [The Votyaks]. *VGV* [VPG], 1838, no. 2, pp. 5–8. (In Russian)
10. Herzen A. I. *Votyaki i cheremisy* [The Votyaks and Cheremises]. *VGV* [VPG], 1838, no. 3, pp. 11–15. (In Russian)
11. Dushenkova T. R. *Emocionsfera udmurtskoj yazykovej kartiny mira: monografiya* [The emotional sphere of the Udmurt language picture of the world: monograph]. Izhevsk: UdmFIC UrO RAN Publ., 2020. 324 p. (In Russian)
12. Ershov M. F. *Obrazy aborigenov Tobol'skogo Severa v oficial'nyh i nauchno-populyarnyh izdaniyah poslednej treti XIX v.* [Images of aborigines of the Tobolsk North in official and popular science publications of the last third of the XIX century]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 134–141. (In Russian)
13. Zagrebin A. E. *Ocherki istorii finno-ugorskih etnograficheskikh issledovanij v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Essays on the history of Finno-Ugric ethnographic research in Russia (the second half of the XIX – early XX centuries)]. Izhevsk: Izhevskij institut komp'yuternyh issledovanij Publ., 2019. 144 p. (In Russian)
14. *Zapiski kapitana Filippa Ioganna Stralenberga ob istorii i geografii Rossijskoj imperii Petra Velikogo: Severnaya i Vostochnaya chast' Evropy i Azii. V 2 t.* [Notes of Captain Philipp Johann Stralenberg on the history and geography of the Russian Empire of Peter the Great: Northern and Eastern Europe and Asia. In 2 vols]. Moscow; Leningrad: Institut istorii SSSR AN SSSR Publ., 1985–1986. VIII+446 p. (In Russian)
15. Ivonin Yu. M. *Hristianstvo v Udmurtii: Istoriya i sovremennost'* [Christianity in Udmurtia: History and modernity]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 1987. 112 p. (In Russian)
16. Kalmykova M. N. *Osnovnye vidy nazemnogo i vodnogo transporta udmurtov* [The main types of land and water transport of the Udmurts]. *Evrasijskoe mezkul'turnoe prostranstvo v istoricheskoy retrospektive. Sb. nauch. st.* [Eurasian intercultural space in historical retrospect. Collection of scientific articles]. Izhevsk: UIIYL UrO RAN Publ., 2013. pp. 73–84. (In Russian)
17. Luppov P. N. *Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX v.* [Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century]. Vyatka: Vyatskaya gubernskaya Publ., 1911. 318 p. (In Russian)
18. Luppov P. N. *Hristianstvo u votyakov so vremeni pervyh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical mentions about them to the XIX century]. Saint-Petersburg: M. P. Frolova Publ., 1899. 333 p. (In Russian)
19. *Marijcy Udmurtii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Mari people of Udmurtia: historical and ethnographic essays]. Izhevsk: Monporazhyon Publ., 2021. 244 p. (In Russian)
20. Miller G. F. *Opisanie zhivushchih v Kazanskoj gubernii yazycheskih narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of pagan peoples living in the Kazan Guberny, such as the Cheremis, Chuvash and Votyaks]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1791. 99 p. (In Russian)
21. Napol'skih V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta* [Udmurt materials of D. G. Messerschmidt]. Izhevsk: Udmurtia Publ., 2001. 224 p. (In Russian)
22. *Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya. Konec XVIII – pervaya polovina XX v. (po dokumentam arhivov Udmurtskoj Respubliki)* [Society and power. Russian province. The end of the XVIII – the first half of the XX centuries (according to the documents of the archives of the Udmurt Republic)]. Izhevsk: Shelest Publ., 2017. 740 p. (In Russian)
23. Ostrovskiy D. *Votyaki Kazanskoj gubernii* [The Votyaks of the Kazan Guberny]. Kazan: K. A. Tilli Publ., 1873. 48 p. (In Russian)
24. Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva* [Travel to different provinces of the Russian state]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1788. Part III. Half 2. 480 p. (In Russian)

25. Pislegin N. V., Churakov V. S. *Naseleennye punkty Udmurtskogo Prikam'ya XVII – serediny XIX v.* [Settlements of the Udmurt Kama Region in the XVII – middle of the XIX centuries]. Izhevsk: UdmFIZ UrO PAN Publ., 2020. 784 p. (In Russian)
26. Rittih A. F. *Materialy dlya etnografii Rossii* [Materials for the ethnography of Russia]. Kazan: Kazanskii Universitet Publ., 1870. T. XIV: *Kazanskaya guberniya. Ch. 2* [Kazan Guberny. Part 2]. 225 p. (In Russian)
27. Russkikh T. N. *Kommunikativnoe povedenie sovremennykh udmurtov: monografiya* [Communicative behavior of the modern Udmurts: monograph]. Izhevsk: AlkiD Publ., 2019. 268 p. (In Russian)
28. Rychkov N. P. *Zhurnal ili Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu* [Journal or Daily notes of Captain Rychkov's travels in different provinces of the Russian state in 1769 and 1770]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1770. 190 p. (In Russian)
29. Rychkov N. P. *Prodolzhenie Zhurnala ili Dnevnykh zapisok puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva v 1770 godu* [Continuation of the Journal or Daily notes of Captain Rychkov's travels in different provinces of the Russian state in 1770]. Saint-Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1772. 133 p. (In Russian)
30. Smirnov I. N. *Votyaki. Istoriko-etnograficheskij ocherk* [The Votyaks. Historical and ethnographic essay]. Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1890. 349 p. (In Russian)
31. Shklyayev G. K. *Mezhetnicheskie otnosheniya v Udmurtii. Opyt istoriko-psihologicheskogo analiza* [Interethnic relations in Udmurtia. Experience of historical and psychological analysis]. Izhevsk: UIIYL UrO RAN Publ., 1998. 213 p. (In Russian)
32. Buch M. *Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie*. Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 187 p. (In German)
33. Buchtel E., Norenzayan A. *Thinking across cultures: implications for dual processes*. Evans J., Frankish K. In two minds: Dual processes and beyond. Oxford: Oxford University Press, 2009. pp. 217–238. (In English)
34. Kappeler A. *Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert*. Wien: Böhlau Köln, 1982. 571 p. (In German)
35. Strahlenberg Ph. J. *An Historico-geographical Description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia: But More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in Their Ancient and Modern State: Together with an Entire New Polyglot-table of the Dialects of 32 Tartarian Nations*. London: W. Innys and R. Manby, 1738. 463 p. (In English)
36. *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 715 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пислегин Николай Викторович, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (426004, Российская Федерация, Удмуртская республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), кандидат исторических наук, доцент.

spreg@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-3031-031X.

ABOUT THE AUTHOR

Pislegin Nikolay Viktorovich, Senior Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426004, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Lomonosov St., 4), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

spreg@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-3031-031X